

*А.Ю. Суслов*

## **Меньшевики и социалисты-революционеры после октября 1917 г.: тенденции и динамика историографии**

*Ключевые слова:* социалистические партии, партия социалистов-революционеров, партия социал-демократов (меньшевиков), Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война, историография.

В начале XX в. модернизация России была связана с выбором одной из возможных моделей общественного развития: либеральной или социалистической. Однако, по всей видимости, выбор находился лишь в рамках социалистического пути. Либеральная альтернатива революции была утопичной [1, с. 4–24; 2, с. 15]. Социалистические идеи в первой четверти XX в. в России были гораздо более популярны, о чем свидетельствует количество членов социалистических партий и итоги выборов в Учредительное собрание в 1917 г., наиболее свободного и демократичного голосования. Российская революция, весьма сложное и многообразное явление, состояла из нескольких «потоков» – солдатского, крестьянского, национального и др. Важным элементом была партийная борьба, столкновение и взаимодействие различных общественно-политических движений.

В России начала XX в. были представлены все важнейшие направления социалистической мысли. Переход к социализму с разных позиций декларировался в программах Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), партии социалистов-революционеров (ПСР), партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР). Партия социалистов-революционеров (эсеры) предлагала свой путь преобразования России, так называемый народнический социализм, представлявший собой попытку синтеза крестьянской и городской культур. Эсеры являлись, пожалуй, единственной оппозиционной партией, которая обладала влиянием среди и рабочих, и крестьян, и интеллигенции [3, с. 207]. За ее плечами стояла долгая традиция крестьянского протеста. Кроме того, это была единственная крупная партия, полагавшаяся на российскую, а не иностранную идеологию, несмотря на значительное влияние марксизма.

Социал-демократы являлись сторонниками марксистского формационного подхода к истории общества, установления в результате социалистической революции диктатуры пролетариата. Внутри обоих подходов было множество оттенков, не менявших, однако, принципиально положение вещей. У эсеров и социал-демократов было немало точек сопри-

косновения в программах – до 1917 г. одинаковы были требования свержения самодержавия и созыва Учредительного собрания, сходны позиции в рабочем вопросе. Принципиальные различия программ заключались в подходах к аграрному вопросу. Сложное взаимодействие и борьба социалистов-революционеров и социал-демократов наложили отпечаток на историю российской революции.

После октября 1917 г. межпартийные противоречия, преимущественно выражавшиеся до того на теоретическом уровне, вылились в открытое противоборство большевиков с социалистической оппозицией. Исход этого противоборства оказал существенное влияние на развитие политической системы советского общества. Кризис Викжеля, борьба вокруг Учредительного собрания и Брестского мира, большевизация Советов, Комуч и выступление левых эсеров – важнейшие этапы становления диктатуры – непосредственно связаны с деятельностью партий социалистов-революционеров, левых эсеров и меньшевиков. Поражение социалистов-революционеров осенью 1918 г. означало конец попыткам третьего пути – между коммунистической диктатурой и восстановлением монархии. Вполне можно согласиться с А.В. Шубиным, что «... победа большевизма и широкомасштабная гражданская война – оборотная сторона и результат поражения именно социалистической альтернативы в 1917–1918 гг.» [4, с. 167].

Окончательным итогом этой борьбы стало возникновение в Советской России однопартийной системы – фактический уход в подполье, а затем и вовсе прекращение любой деятельности правых и левых эсеров, меньшевиков, представителей иных малочисленных социалистических партий и группировок. Часть бывших членов этих партий вступила в РКП(б), часть была репрессирована, некоторые эмигрировали или, оставшись в стране, отказались от политической деятельности. Именно тогда были заложены концептуальные основы советской историографии социалистических партий, базировавшиеся преимущественно на работах В.И. Ленина и включавшие тезисы об антинародном характере деятельности социалистов после Октябрьской революции и закономерности их гибели. Эти представления тиражировались в трудах советских ученых вплоть до начала 1990-х гг. Лишь после крушения советской системы появилась возможность для непредвзятого научного анализа истории российской многопартийности.

Отечественная историография социалистических партий прошла сложный путь, отразив изменения политического режима и общественного сознания. С момента своего возникновения, после октября 1917 г., она никогда не была единой, так как включала в себя и работы самих российских социалистов, пытавшихся осмыслить исторический путь своих партий, труды советских историков, выражавших позицию правящего режима, исследования диссидентов, имевших свой взгляд на историю постреволюционной России. После распада Советского Союза начинается новый этап в отечественной историографии, не только вобравший в себя многое из достижений предшественников, но и отличающийся созданием новых, оригинальных подходов.

Эволюция социал-демократической историографии была связана с изменением самого меньшевизма после Октябрьской революции. Критика меньшевиками большевиков была связана не с принципиальным отказом от идеи социалистической революции вообще, а с убеждением в том, что большевики, форсируя социалистическую революцию в отсталой стране, могут спровоцировать контрреволюцию и восстановление старого порядка. Поэтому меньшевики рассматривали большевистскую диктатуру как меньшее зло на фоне этой перспективы. В то же время ряд видных меньшевиков (П.Б. Аксельрод, А.Н. Потресов и др.) с самого начала расценили захват большевиками власти и ликвидацию демократии как подлинную контрреволюцию. Они заложили основы правого течения внутри меньшевизма.

Последним крупным актом «политического существования» российских социал-демократов в эмиграции стал научный «Меньшевистский проект». Работы меньшевиков, участвовавших в *Menshevik Project* (Б.И. Николаевского, Д. Далина, Г. Аронсона, Л. Дан, Б. Двинова, С. Шварца, Л. Ланде, Б. Сапира, С. Волина) представляют собой своеобразный синтетический жанр, являясь скорее исследованиями, чем мемуарами. Л. Хеймсон указывал на характерные особенности этих работ: независимость, глубина и беспристрастность суждений; самоирония, отсутствие «эмоциональных излишеств». Кроме того, для отдельных мемуаристов, особенно Б.И. Николаевского, способностью к независимости суждений повышалась склонность поступать так, «если бы они были историками самих себя». Совокупность этих качеств привела к созданию солидного комплекса источников и исследований по истории российской социал-демократии.

Во многом схожие, хотя отнюдь не идентичные процессы шли в эсеровской историографии. Работы по истории ПСР, появившиеся в годы Гражданской войны и позднее, в эмиграции, довольно разнообразны. Большой частью это статьи историко-мемуарного характера, созданные участниками или очевидцами событий. Ни сами социалисты-революционеры, ни

кто-нибудь другой из авторов, представлявших не большевистскую историографию, не создали специального исследования по истории ПСР. В своих работах они касались преимущественно Гражданской войны в России. Публикации о деятельности партии в годы нэпа практически отсутствовали. Правых эсеров и других авторов 1920–1930-х гг. волновал, по сути, один вопрос – в чем причина поражения партии в борьбе с большевиками и ухода с российской политической сцены? Подчеркивался фактор репрессий со стороны большевиков и Белого движения, отмечался неудачный опыт коалиции с кадетами, чья предательская роль выявилась слишком поздно. Однако эсеры не замалчивали собственные ошибки, подчас весьма серьезные, прежде всего то, что ПСР не смогла сохранить единство рядов и проявить твердость в осуществлении своей программы. Тем не менее, отношение эсеров к событиям 1917–1922 гг. вполне можно охарактеризовать словами социалиста-революционера В.И. Лебедева, озаглавившего одну из своих статей «Лучше поражение, чем измена или капитуляция...», т.е. даже если борьба ПСР за демократию и социализм была обречена изначально – начинать ее стоило.

С 1930-х гг. исследования по истории ПСР в среде эмиграции отсутствуют. Сказались многочисленные конфликты, сотрясавшие правых эсеров за границей, общее ухудшение положения мигрантов из России в Европе. Вторая мировая война окончательно разбросала остатки эсеровской партии, некоторые представители которой сумели перебраться в США и в 1950-е гг. опубликовать ряд воспоминаний, напомнивших о конце некогда столь популярной в России партии. Положения эмигрантской историографии и мемуаристики о причинах поражения эсеров оказали влияние на зарубежную историческую науку. До сих пор эта тема не стала предметом специального исследования. Между тем утверждения социалистов-революционеров-эмигрантов о «подлинно крестьянском, народном» характере их партии активно использовались западной исторической наукой, особенно в 1950-е гг. Эти идеи встречаются и в современных исследованиях, в частности в монографиях В. Бровкина о послеоктябрьском меньшевизме и Гражданской войне, где широко использованы материалы социалистической эмиграции. С 1990-х гг. работы социалистов-революционеров-эмигрантов стали активно привлекать отечественные историки.

Значительно слабее представлена левозероветская историография. Сколько-нибудь крупных работ деятелей ПЛСР в годы Гражданской войны не появилось. В первой половине 1918 г. левые эсеры в своем издательстве «Революционный социализм» опубликовали около 30 брошюр. Однако имеется лишь несколько статей и небольших изданий, посвященных причинам раскола ПСР и образованию партии левых эсе-

ров. Брошюра И.Ф. Леонтьева, секретаря ЦК ПЛСР, является самым ранним очерком истории партии левых эсеров и охватывает период до второго съезда включительно. Левоэсеровские авторы считали раскол партии социалистов-революционеров частным явлением общего процесса, характерного для истории социалистических партий других стран. Этот естественный раскол мирового социализма на революционный социализм, с одной стороны, и буржуазный реформизм – с другой, начал оформляться в ПСР уже с началом мировой войны. Буквально по всем политическим вопросам правое и левое крылья партии расходились во мнениях, в силу чего, подчеркивал лидер ПЛСР Б.Д. Камков, «если историк предъявит нам обвинение, то оно будет заключаться не в том, что мы раскололись, а в том, почему мы так поздно раскололись». После июльских событий 1918 г. издательская деятельность ПЛСР резко сокращается.

Советская историческая литература об эсерах и меньшевиках стала формироваться в годы Гражданской войны и сразу после ее окончания, когда были заложены концептуальные основы: рассмотрение умеренных социалистов как «мелкобуржуазных», «антисоветских», «соглашательских» деятелей, поддерживавших контрреволюцию и развязавших вооруженную борьбу. С первых лет большевистской власти историки были поставлены в зависимое положение и обязаны были подгонять свои оценки под требования правящей партии. Историческая наука формировала соответствующее историческое сознание общества, представления о роли врагов большевизма. Сразу же после захвата власти перед большевиками, как и перед любым революционным режимом, встал вопрос о легитимности, т.е. задача доказать, что ими была совершена настоящая революция, а не военный переворот, как утверждали меньшевики и эсеры. Созданию «образа революции» и ее врагов и была подчинена многочисленная советская литература антиэсеровской и антименьшевистской направленности.

Именно тогда, в 1920-е гг., в стране сложился своеобразный тип связи науки, идеологии и политики, который продолжал господствовать и далее. После окончания Гражданской войны власть организует Комиссию по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт) с филиалами по всей стране. Создаются новые библиотеки, архивы, музеи для хранения «памятников» революции. Появляется первое поколение историков-марксистов, формировавшихся из партийной среды (в основном социал-демократической) и связанных после 1917 г. с государственной деятельностью. Именно они (И.И. Минц, М.В. Нечкина, А.Л. Сидоров, Э.Б. Генкина, Н.Л. Рубинштейн, А.М. Панкратова и др.) стали активными участниками острой идейной борьбы с противниками большевизма. Эта борьба была частью глобального государственного проекта

по конструированию образа революции, гражданской войны и истории большевистской партии. Газеты, листовки, школьные учебники, исторические труды, митинги, официальные церемонии и празднества, агитпоезда, фотографии, кинофильмы формировали «основополагающие нарративы» нового режима, включавшие ряд ключевых символов и сюжетов, в том числе и о «врагах революции».

Традиции советской историографии, заложенные в 1920-е гг. – тенденциозное и выборочное использование источников, анализ политической борьбы с точки зрения большевистской партии, непогрешимость ленинских оценок – сохранились и в последующие годы. Во второй половине 1960-х гг. в отечественной исторической науке наметился поворот к анализу собственно социалистических партий, их внутренней истории. Тем не менее советская наука продолжала оставаться государственным проектом, с четко очерченными рамками и идеологическими установками. Сохранились многие черты историографии 1920-х гг. – прежде всего убеждение в превосходстве марксистско-ленинской идеологии, представления о роли исторической науки в политической борьбе за социализм. Жесткий контроль исключал независимость ученых, обязывал их следовать решениям партийных органов.

В полной мере эти тенденции отражались на исследованиях по истории советского общества, в том числе оппозиционных социалистических партий. Методологические рамки были заданы в обобщающих работах по истории КПСС и Октябрьской революции. В них на основании ленинских положений однозначно утверждалось, что эсеры и меньшевики после октября 1917 г. являлись не только «пособниками», но и «активными участниками» контрреволюционной деятельности. Идеи «Краткого курса» прочно вошли в отечественную науку, продолжая оказывать серьезное воздействие на целые поколения историков и после XX съезда КПСС. Сохранились все основные позиции официальной партийной доктрины.

К тому времени изучение истории российских политических партий стало постепенно набирать силу, был накоплен определенный фактический материал, правда, в подавляющем большинстве лишь в ракурсе борьбы большевиков с социалистами, сформировалась группа исследователей темы. Середина 1960-х гг. ознаменовалась появлением обобщающих работ по истории политических партий в 1917 г., незадолго до этого была опубликована книга К.В. Гусева о партии левых эсеров. Необходимость в более тщательном, всестороннем изучении послеоктябрьской истории ПСР стала очевидной. Советская историческая наука была уже достаточно подготовлена к созданию крупных монографических исследований, что и произошло во второй половине 1960–1970-х гг.

Значительная роль в изучении послеоктябрьской истории ПСР сыграли работы К.В. Гусева, М.Л. Спи-

рина, В.В. Комина, В.В. Гармизы. Эти советские историки стояли у истоков изучения российской многопартийности, и их труды не потеряли своего научного значения по сей день. Безусловно, господство марксистско-ленинской идеологии не позволяло отечественным исследователям свободно выражать свое мнение, выступать против официальных установок. Однако и в такой ситуации часть советских историков сумела обобщить важный фактический материал, сделать интересные наблюдения и выводы. Никогда еще темпы изучения истории российских политических партий не были столь высоки. Если в декабре 1975 г. на симпозиуме «Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917–1922 гг.» был сделан 31 доклад и сообщение, то в мае 1979 г. на симпозиуме «Крах непролетарских партий России в 1917–1922 гг.» было заслушано уже 56 докладов и сообщений, а всего присутствовало 50 ученых из 24 городов страны. Еще более увеличилось число участников на третьем симпозиуме в 1981 г. Все эти конференции проводились под эгидой Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», что ныне представляется одним из важнейших итогов его деятельности. Отечественная историческая наука пополнилась рядом сборников по истории многопартийности, в том числе по историографии проблемы. Это не привело к качественным сдвигам, но позволило со временем, после падения советской системы, строить новые подходы на серьезном фундаменте.

Современная российская историография, сохраняя преемственность с предшествующим этапом в изучении деятельности социалистических партий, в большинстве своем отказалась от тех традиций советской науки, которые резко ограничивали познавательные возможности исследователей: политизированности, идеализации политики большевиков, одностороннего и тенденциозного подбора фактов. В то же время не удалось избежать другой крайности – идеализации противников большевизма. Отечественная историография на современном этапе представляет весь спектр оценок истории эсеров и меньшевиков, существовавших в XX в., предлагая самые различные объяснения их политического поражения. Характерные позитивные тенденции современных исследований – разнообразие точек зрения; публикация источников; распространение биографического жанра – преодоление «безликости» истории – позволяют надеяться на создание в будущем серьезных теоретических конструкций.

В современной историографии ПСР выделяется несколько крупных исследовательских проблем, связанных с рассмотрением конкретных моментов деятельности правых эсеров, а также с общей оценкой значения и роли ПСР в послеоктябрьской России. В последнем случае эту задачу призваны решить

работы обобщающего характера по истории партии эсеров. Таких работ несколько, однако постановка теоретических проблем причин поражения партии эсеров в политической борьбе выражена недостаточно [5].

Главный вопрос, который в конечном счете стоит перед всеми исследователями – почему партия социалистов-революционеров, весьма сильная и популярная, обладавшая реалистичной программой, так и не смогла прийти и удержаться у власти в общероссийском масштабе? Наиболее часто встречающиеся объяснения сводятся к констатации постоянных расколов в среде ПСР, ошибок и тактических промахов партии в политической борьбе, отсутствия сильного лидера и жесткой организационной структуры, большевистских репрессий после октября 1917 г. Признавая наличие этих, безусловно, важных, факторов, следует признать, что они не дают возможности осмыслить в полной мере причины поражения эсеровской альтернативы. Исследований, затрагивающих эту проблему на серьезном концептуальном уровне, пока немного, хотя о ПСР пишет практически каждый исследователь, касающийся истории российской революции и Гражданской войны.

Интересное объяснение причинам провала эсеровской доктрины и победы большевиков дает, опираясь на теорию модернизации, Н.Д. Ерофеев. Социалисты-революционеры, отмечает он, в конечном счете оказались непригодны для коренного преобразования России и ее модернизации. Эсеровская идеология являлась аграрной утопией, в то время как урбанистическая программа большевиков реально соответствовала решению главной задачи страны – модернизации, суть которой составляла индустриализация. Как пишет А.С. Сенявский, «эсеровская идеология была наиболее адекватна настроениям подавляющей части населения страны и могла привести исповедующие ее политические силы к власти, но была абсолютно не способна стать основой столь необходимого стране модернизационного рывка...» [6, с. 58].

Нельзя сбрасывать со счетов и эволюцию ПСР от революционного народничества к западноевропейскому реформистскому социализму, в ходе которой эсеры теряли свою «цельность и революционную энергию». Именно в этом кроется причина поражения эсеров.

Точка зрения Н.Д. Ерофеева, близкая взглядам А. Гершенкрона, выглядит на сегодняшний день наиболее обоснованной гипотезой политического крушения ПСР, хотя в современной литературе есть и иные позиции, ставящие под сомнение отказ эсеров принять индустриализацию «как наиболее важный императив» российского будущего. Насколько утопична программа эсеров, если в 1917 г. в их партии доминировало правое крыло? В.Н. Гинев в свое время писал, что «переход с крестьянских позиций на так называемые «общегосударственные» вообще был характерен

в 1917 году для эсеровских вождей, особенно занимавших правительственные посты». В этом случае, совершенно справедливо подчеркивает известный немецкий историк М. Хильдермайер, не может быть никакого разговора об утопии ПСР, и даже фракция В.М. Чернова, занимавшая в партии левоцентристские позиции, примирилась с «мягкой» формой индустриального развития России [7, с. 133].

Н.Д. Ерофеев, К.Н. Морозов и М. Хильдермайер вновь поставили важный вопрос об эволюции ПСР в период между 1905–1907 гг. и 1917 г., а также между февралем и октябрём 1917 г. Фактическое содержание программы ПСР изменилось, влиятельные группы в партии под воздействием столыпинской реформы считали необходимым говорить об аграрной реформе, а не о революции, воспринимая деревенское общество как общество мелких и средних собственников. Значительная часть этого правого крыла ПСР принадлежала к новому поколению членов партии, которое приобрело свои качественные характеристики во время первой русской революции, но получило «решающие впечатления» в эру «конституционализма», когда существовала Государственная Дума, легально функционировали политические партии, профсоюзы (А.Р. Гоц, В.М. Зензинов, Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондаминский и др.). Эти новые институты и формы следовало использовать [8, с. 611–612]. К 1917 г. партия эволюционировала настолько, что Е.Е. Лазарев позже замечал, что название партии социалистов-революционеров следовало бы изменить, убрав слово «революционеров» [9, с. 12]. О. Рэдки писал, что «партия эсеров перестала быть революционной в то время, когда вся страна стала таковой в самом широком и глубоком смысле этого слова» [10, р. 468].

В послеоктябрьский период эволюция ПСР продолжалась. Правые эсеры все более склонялись к демократическим, а не социалистическим методам государственного регулирования экономики и организации хозяйства. В общих чертах такая позиция сложилась уже к 1923 г. [11, с. 172–173]. В связи с этим любопытно замечание В.И. Миллера, что именно «левые эсеры сохранили верность основополагающим принципам ПСР, революционному духу и букве ее программы, а изменила ей правая часть ПСР, пошедшая за меньшевиками в их отрицании самой возможности движения страны к социализму» [12, с. 30]. Если переход политической партии на более реалистические и отвечающие интересам страны позиции, пусть не востребованные, считать «изменой», то с этим можно согласиться.

В целом проблема концептуального осмысления истории ПСР разработана пока недостаточно и является, очевидно, делом будущего. Необходимой предпосылкой для этого станут конкретные исследования по различным сторонам деятельности правых эсеров в 1917–1920-е гг.

Среди проблем истории партии правых эсеров после октября 1917 г. наиболее активно разрабатывается несколько сюжетов: роль правых эсеров в формировании политической оппозиции большевистскому режиму в первые послеоктябрьские месяцы; деятельность ПСР в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.); исчезновение партии с политической сцены в годы нэпа и формирование эсеровской эмиграции. В последние годы началось активное изучение репрессивной политики советского государства по отношению к партии социалистов-революционеров.

Обширные дискуссии о судьбах российской социал-демократии развернулись в связи со столетием образования РСДРП (1998 г.) и юбилеем знаменитого Второго съезда (2003 г.). Многие исследователи пытаются проследить исторический путь российской социал-демократии с момента ее возникновения до сегодняшнего дня [13]. Главный вопрос – почему в России победил большевистский вариант развития, почему меньшевики проиграли, хотя, казалось бы, после крушения монархии в 1917 г. обладали всеми возможностями для прихода к власти? Исследователи выделяют несколько причин. Главная их них, отмечает С.В. Тютюкин, заключается в том, что меньшевистский вариант марксизма «...носил слишком книжный характер, не соответствовавший российским и мировым реалиям начала XX в.» [14, с. 308]. Российский капитализм, а равно и рабочий класс, еще не достигли западного уровня развития, а отсутствие демократических традиций и соответствующей политической культуры делало меньшевистскую модель социализма неадекватной объективным условиям. Сказалось и отсутствие у меньшевиков популярной аграрной программы, тактические ошибки партии в 1917 г., догматизм в интерпретации марксизма, организационная рыхлость и слабая партийная дисциплина.

По мнению В.И. Бакулина, «печальный финал» меньшевиков был связан с политическим курсом, избранным РСДРП после крушения самодержавия: фактический отказ от социально-экономических преобразований и сосредоточение на «демократических процессах». Догматизм, сочетание блестящего теоретического анализа с непоследовательностью и нерешительностью в практических действиях, отсутствие тесной связи с массами привели меньшевизм к крушению [15, с. 80–81].

1990-е гг. стали подлинным прорывом в создании документальной истории российской социал-демократии. Здесь выделяются масштабные проекты «Меньшевики в 1917 году» и «Меньшевики в большевистской России. 1918–1924». С начала 1990-х гг. формируется группа отечественных и зарубежных исследователей (З. Галили, А.П. Ненароков, У. Розенберг, Д.Б. Павлов и др.), поставивших целью создание научной документальной истории меньшевизма. Впервые коллективу историков удалось привлечь

материалы из российских и зарубежных архивов, ввести в научный оборот ряд новых документов, уточнить имеющиеся публикации. Обширные предисловия и комментарии к этим сборникам, написанные А.П. Ненароковым, З. Галили, Д.Б. Павловым, У. Розенбергом, А. Паначчионе, фактически представляют собой самостоятельные очерки истории РСДРП в пореволюционную эпоху – о РСДРП в конце 1917 г. [16], событиях 1919–1920 гг. [17], времени 1921–1922 гг. [18], 1922–1924 гг. [19]. Составители сумели представить позицию различных течений в меньшевизме, в том числе социал-демократических групп, не входивших в партию. Впервые опубликованы многие документы Чрезвычайного съезда РСДРП (1917 г.), материалы всероссийских совещаний и конференций 1918–1922 гг., заграничной делегации, местных партийных организаций.

О политике правящего режима по отношению к социал-демократам в 1990-е гг. появился ряд документальных публикаций, из которых наибольший интерес представляет сборник (по материалам архива ФСБ) «Меньшевики в советской России» под редакцией А.Л. Литвина [20], где представлена подборка источников как собственно меньшевистского, партийного происхождения (материалы ЦК РСДРП, партийных совещаний, обращения, листовки, письма), так и документы ВЧК-ОГПУ-НКВД о репрессиях по отношению к меньшевикам. Отдельный раздел сборника посвящен персоналиям – 14 деятелям меньшевизма, чьи судьбы (пусть и не в полной мере) прослежены до репрессий 1930-х гг. и последующей реабилитации.

Переиздан ряд произведений Ю.О. Мартова и А.Н. Потресова с включением ранее не публиковавшихся писем; сделана попытка составить библиографию работ Ю.О. Мартова и Ф.И. Дана. Очевидна необходимость создания подробных библиографических справок деятелей меньшевизма, которые позволили бы дополнить соответствующие эмигрантские указатели.

Особый интерес вызывает теория и практика РСДРП в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). Традиционная советская версия начиная с 1920-х гг. обвиняла меньшевиков в поддержке (пусть и косвенной) Белого движения и интервенции, антисоветской агитации и пропаганде. Советские историки не обращали особого внимания на различные течения в послеоктябрьском меньшевизме, анализ программных и тактических установок отдельных группировок социал-демократии всегда сопровождался стандартными выводами об «антисоветской сущности» всех меньшевиков.

В «перестроечную» эпоху в исторической литературе стали превалировать иные подходы. Социал-демократов стали рассматривать как политических реалистов и подлинных выразителей демократических

идеалов. Весьма показательна в этом плане работа И.Х. Урилова о Мартове. В Советской России, подчеркивает И.Х. Урилов, Мартов и его единомышленники представляли собой демократическую, невооруженную оппозицию, «в чем-то поддерживающую большевиков, но вместе с тем активно, публично, в том числе за рубежом, критикующую теньевые стороны большевистского режима» [21, с. 375]. Анализируя полемику Мартова с представителями правого течения в меньшевизме, в частности с П.Б. Аксельродом и Ст. Ивановичем, Урилов считает доводы Мартова более предпочтительными.

В 1990-е гг. в российской историографии стали разрабатываться и иные подходы, более близкие так называемой тоталитарной концепции. «Полупризнание» большевистской диктатуры дало Р. Пайпсу, одному из лидеров «тоталитарной школы» западной историографии, повод резко упрекнуть самих меньшевиков и эсеров в их крушении: «Эта позиция была ничем иным, как рациональным выражением нерешительности и страха... отказавшись ответить силой на силу, левая интеллигенция обрекла на смерть демократический путь развития России» [22, с. 110]. Странники данной точки зрения полагают, что российские умеренные социалисты относились к большевикам (несмотря на правильную в целом оценку исторической ситуации) как к «заблудшим товарищам», которые получают урок и не смогут долго продержаться у власти. В итоге они капитулировали без боя. С эти утверждением вполне солидарен В.Н. Бровкин, отмечавший среди прочих причин поражения меньшевиков (репрессии, ослабление рабочего класса, расколы) паралич «спектром контрреволюции» – левоцентристское крыло РСДРП воспринимало большевиков как меньшее зло в сравнении с возможной Белой диктатурой [23, р. 298].

Во многом соглашаются с такой позицией авторы вступительной статьи к сборнику меньшевистских документов за 1919–1920 гг. – А.П. Ненароков, Д.Б. Павлов и У. Розенберг. Они подчеркивают справедливость замечания П.Б. Аксельрода о том, что оценка официальным меньшевизмом большевистского переворота и большевистской диктатуры по сути служила теоретической базой для оправдания большевистского режима [17, с. 31].

Дискуссия в современной историографии отражает борьбу мнений в самой меньшевистской партии после октября 1917 г. Часть исследователей солидаризуется с тактикой Мартова, другие полагают, что меньшевикам стоило вести активную борьбу с правящим режимом, как предлагало правое крыло РСДРП, прежде всего П.Б. Аксельрод и А.Н. Потресов. Эволюция их взглядов, борьба с «официальным меньшевизмом» впервые стали предметом специального анализа в современной российской исторической литературе.

Главное различие между правыми и левыми меньшевиками заключалось в степени оппозиционности

большевистскому режиму, а также различных подходах к сотрудничеству с несоциалистическими антибольшевистскими силами. В руководящих органах РСДРП после Октябрьской революции преобладали сторонники признания большевистского режима (во главе с Мартовым) хотя бы потому, что этот режим пользовался поддержкой части рабочего класса. Причину этого современные историки видят, соглашаясь с оценками меньшевика Д.Ю. Далина, в легкости прихода большевиков к власти (следовательно, массовой поддержке), убеждении в недолговечности режима, оптимистичных оценках мировой социалистической революции. Эта политика привела РСДРП к роли «беспомощной оппозиции» диктатуре, строившей однопартийную систему.

Характерным явлением развития современной историографии ПСР, РСДРП и ПЛСР становится увеличение количества работ, посвященных деятельности партий в регионах. В советской историографии истории местных партийных организаций уделялось недостаточное внимание. Практически не публиковались источники, не было исследований, охватывавших все время существования региональных партийных структур. Региональные исследования способствуют воссозданию полноценного портрета российской многопартийности в послеоктябрьский период. Огромные пространства России, национально-культурная специфика, сложность коммуникаций в годы Гражданской войны, наличие (или отсутствие) авторитетных партийных лидеров накладывали очень серьезный отпечаток на деятельность местных партийных организаций. Региональные комитеты зачастую действовали на свой страх и риск, произвольно трактуя директивы ЦК или не имея таковых. Наиболее полно исследованы организации социалистов в Сибири, Центральном районе, на Урале и Дальнем Востоке. Гораздо меньше известно о деятельности местных организаций в Поволжье, Северном Кавказе, Европейском Севере и – что в какой-то степени парадоксально – в Москве и Петрограде.

Изучение истории местных организаций социалистических партий продолжает оставаться перспективной темой отечественной историографии. Нуждается

в подробном изучении на основании новых источников репрессивная политика правящего режима по отношению к левым и правым эсерам, левозэсеровского подполья. Необходимо создание научных биографий видных деятелей ПЛСР. Пока довольно слабо изучена деятельность и научно-теоретическое наследие социалистической, прежде всего левозэсеровской, эмиграции.

Причины провала демократической социалистической альтернативы можно найти и в традиционной авторитарной культуре России, и в катастрофических социальных условиях, вызванных Гражданской войной, и в действиях большевиков и Белых режимов [24, с. 120]. Однако, на наш взгляд, провал демократического эксперимента в России был главным образом обусловлен его собственной политической слабостью, раздробленностью социалистов-революционеров и меньшевиков. Лидеры российских социалистических партий перешли на умеренные реформистские позиции в тот период, когда большинство населения страны (прежде всего рабочие и солдаты), в том числе и значительное количество рядовых эсеров и меньшевиков, стали придерживаться радикальных взглядов. Этот конфликт привел к тому, что социалисты после прихода большевиков к власти и начала Гражданской войны оказались в сложном и противоречивом положении – их оппозиционность, с одной стороны, прямо вытекала из политики правящего режима, с другой – степень этой оппозиционности зависела от угроз со стороны Белого движения. И меньшевики, и в меньшей степени социалисты-революционеры не смогли противостоять давлению Гражданской войны. Жесткие репрессии со стороны правящего режима лишь обнажили уже существовавшие слабости.

Социалистические партии в послеоктябрьской России были одними из первых, кто пытался показать антидемократический характер большевизма. Неудача социалистов-революционеров и меньшевиков в этой борьбе, тем не менее, не означает их поражения в историческом споре о демократии, социализме и роли политических партий. Наследие российских социалистов не зависит от конъюнктурного курса политического развития России.

### Библиографический список

1. Тютюкин, С.В. Социалистические модели общественно-политического развития России / С.В. Тютюкин // Россия в условиях трансформаций : историко-политологический семинар. – Вып. 6. – М., 2000.
2. Журавлев, В.В. От социал-демократии к демократии – один век? (Исторические судьбы демократической альтернативы в России в начале XX столетия) / В.В. Журавлев // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. : сб. науч. ст. – Тамбов, 2001.

3. Brovkin, V. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922 / V. Brovkin. – Princeton, 1994.
4. Шубин, А.В. Эсеры как российский вариант социалистической демократии / А.В. Шубин // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. – М., 2006.
5. Аноприева, Г.С. Эсеры: между утопиями и реальностью / Г.С. Аноприева, Н.Д. Ерофеев // Политические исследования. – 1993. – №6.

6. Сенявский, А.С. Проблемы модернизации России в XX веке: диалектика реформизма и революционности / А.С. Сенявский // Россия в XX веке: Реформы и революции. – М., 2002. – Т. 1.
7. Хильдермайер, М. Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции / М. Хильдермайер // Россия в XX веке: историки мира спорят. – М., 1994.
8. Морозов, К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. / К.Н. Морозов. – М., 1998.
9. Лазарев, Е.Е. Из переписки с друзьями / Е.Е. Лазарев. – Ужгород, 1935.
10. Radkey, O.H. The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule / O.H. Radkey. – N.Y.; L., 1963.
11. Ярцев, Б.К. Политико-экономическая платформа российского неонародничества в 20-е гг. / Б.К. Ярцев // Был ли у России выбор? (Н.И. Бухарин и В.М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). – М., 1996.
12. Миллер, В.И. Революция в России. 1917–1918 гг. Проблемы изучения : дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. доклада по совокупности опубл. трудов / В.И. Миллер. – М., 1995.
13. Урилов, И.Х. Судьбы российской социал-демократии / И.Х. Урилов // Вопросы истории. – 2006. – №3.
14. Тютюкин, С.В. Взлет и падение российской социал-демократии / С.В. Тютюкин // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. – М., 2000.
15. Бакулин, В.И. Между догмой, иллюзией и реальностью: меньшевизм в 1917 году / В.И. Бакулин // Отечественная история. – 2004. – №1.
16. Галили, З. Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Первая декада октября – конец декабря : историко-документальный очерк / З. Галили, А. Ненароков // Меньшевики в 1917 году. – М., 1997. – Т. 3. – Ч. 2.
17. Ненароков, А.П. Оппозиция в рамках советской системы: неудавшийся дрейф «влево». 1919–1920 гг. : документально-исторический очерк / А.П. Ненароков, Д.Б. Павлов, У. Розенберг // Меньшевики в 1919–1920 гг. – М., 2000.
18. Ненароков, А. От легальности к подполью. Начало новой волны вынужденной эмиграции : документально-исторический очерк / А. Ненароков, А. Паначчионе, У. Розенберг // Меньшевики в 1921–1922 гг. – М., 2002.
19. Либих, А. Крах социал-демократического подполья в большевистской России 1922–1924 гг. / А. Либих, А. Михайлов, А. Ненароков, А. Паначчионе, Н. Перемышленникова // Меньшевики в 1922–1924 гг. – М., 2004.
20. Меньшевики в советской России : сб. док. – Казань, 1998.
21. Урилов, И.Х. Ю.О. Мартов. Политик и историк / И.Х. Урилов. – М., 1997.
22. Пайпс, Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917–1918 гг.) / Р. Пайпс // Минувшее. – Вып. 4. – М., 1991.
23. Brovkin, V. The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship / V. Brovkin. – Ithaca ; London, 1987.
24. Шубин, А.В. Социалисты в российской революции 1917–1921 гг. / А.В. Шубин // Карло Росселли и левые в Европе: к 100-летию со дня рождения. – М., 1999.